

Мережковский Дмитрий Сергеевич

Гоголь и черт

Исследование

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Сергеевич М.**
Гоголь и черт: Исследование / Мережковский Дмитрий Сергеевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 228 с.

ISBN 978-5-519-96266-7

ISBN 978-5-519-96266-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГОГОЛЬ И ЧОРТЪ.

Слышно страшное въ судьбѣ
нашихъ поетовъ.

Гоголь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Творчество.

I.

„Какъ чорта выставить дуракомъ“,—это, по собственному признанію Гоголя, было главною мыслью всей его жизни и всего творчества. „Уже съ давнихъ поръ я только и хлопочу о томъ, чтобы послѣ моего сочиненія насмѣялся вволю человѣкъ надъ чортомъ“. (Письмо Шевыреву изъ Неаполя отъ 27 апрѣля 1847 года).

Въ религіозномъ пониманіи Гоголя чортъ есть мистическая сущность и реальное существо, въ которомъ сосредоточилось отрицаніе Бога, вѣчное зло.

Гоголь, какъ художникъ, при свѣтѣ смѣха, изслѣдуетъ природу этой мистической сущности; какъ чело^вѣкъ, оружіемъ смѣха борется съ этимъ реальнымъ существомъ: смѣхъ Гоголя—борьба чело^вѣка съ чортомъ.

Богъ, есть безконечное, ~~конецъ~~ и начало сущаго; чортъ — отрицаніе Бога, а слѣдовательно, и отрицаніе безконечнаго, отрицаніе всякаго конца и начала; чортъ есть начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное; чортъ—нуменальная середина сущаго, отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ—вѣчная плоскость, вѣчная пошлость. Единственный предметъ гоголевскаго творчества и есть чортъ именно въ этомъ смыслѣ, то есть какъ явленіе „безсмертной пошлости людской“, созерцаемое за всѣми условіями мѣстными и временными — историческими, народными, государственными, общественными — явленіе безусловнаго, вѣчнаго и всемірнаго зла;—пошлость *sub specie aeterni*, „подъ видомъ вѣчности“.

„Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко *пошлость* жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость

пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей". (*Изъ Переписки съ друзьями, XVIII, 3*).

Зло видимо всѣмъ въ великихъ нарушеніяхъ нравственнаго закона, въ рѣдкихъ и необычайныхъ злодѣйствахъ, въ потрясающихъ развязкахъ трагедій; Гоголь первый увидѣлъ невидимое и самое страшное, вѣчное зло не въ трагедіи, а въ отсутствіи всего трагическаго, не въ силѣ, а въ безсильи, не въ безумныхъ крайностяхъ, а въ слишкомъ благоразумной серединѣ, не въ остротѣ и глубинѣ, а въ тупости и плоскости, пошлости всѣхъ человѣческихъ чувствъ и мыслей, не въ самомъ великомъ, а въ самомъ маломъ. Гоголь сдѣлалъ для нравственныхъ измѣреній то же, что Лейбницъ для математики, — открылъ какъ бы *дифференціальное исчисленіе*, бесконечно-великое значеніе бесконечно-малыхъ величинъ добра и зла. Первый онъ понялъ, что нортъ и есть самое малое, которое, лишь вслѣдствіе нашей собственной малости, кажется великимъ, — самое слабое, которое, лишь вслѣдствіе нашей собственной слабости, кажется сильнымъ. „Я называю вещи, — говоритъ онъ, — прямо по имени, то-есть чорта называю прямо чортомъ, не даю ему

великолѣпнаго костюма à la Байронъ и знаю, что онъ ходитъ во фракъ..." „Діаволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ: онъ явился въ своемъ собственномъ видѣ". Главная сила діавола — умѣнье казаться не тѣмъ, что онъ есть. Будучи серединою, онъ кажется однимъ изъ двухъ концовъ — безконечностей міра, то Сыномъ-Плотью, возставшимъ на Отца и Духа, то Отцомъ и Духомъ, возставшимъ на Сына-Плоть; будучи тварью, онъ кажется творцомъ; будучи темнымъ, кажется Денницею; будучи коснымъ, кажется крылатымъ; будучи смѣшнымъ, кажется смѣющимся. Смѣхъ Мефистофеля, гордость Каина, сила Прометея, мудрость Люцифера, свобода Сверхчеловѣка — вотъ различные въ вѣкахъ и народахъ „великолѣпные костюмы", маски этого вѣчнаго подражателя, приживальщика, обезьяны Бога. Гоголь первый увидѣлъ чорта безъ маски, увидѣлъ подлинное лицо его, страшное не своей необычайностью, а обыкновенностью, пошлостью; первый понялъ, что лицо чорта есть не далекое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, вообще реальное „человѣческое, слишкомъ человѣческое" лицо, лицо толпы, лицо „какъ у всѣхъ", почти наше собственное лицо въ тѣ минуты, когда мы не смѣемъ быть сами собою, и соглашаемся быть „какъ всѣ".

Два главныхъ героя Гоголя—Хлестаковъ и Чичиковъ—суть два современные русскія лица, двѣ вѣпостаси вѣчнаго и всемірнаго зла—„безсмертной пошлости людской“.— По слову Пушкина: *То были двухъ бѣсовъ изображенія.*

Вдохновенный мечтатель Хлестаковъ и положительный дѣлецъ Чичиковъ — за этими двумя противоположными лицами скрыто соединяющее ихъ третье лицо, лицо чорта „безъ маски“, „во фракѣ“, въ „своемъ собственномъ видѣ“, лицо нашего вѣчнаго двойника, который, показывая намъ въ себѣ наше собственное отраженіе, какъ въ зеркалѣ, говоритъ:

— „Чему смѣетесь? Надъ собой смѣйтесь!“

II.

„Вы эту скотину (чорта) бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Онъ точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Стоитъ только немножко струсить и поддаться назадъ— тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ, онъ чортъ знаетъ что. Пословица не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *Хвалился чортъ встѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти.*— Пугать, надувать, приводить въ уныніе— это его дѣло“. Легко догадаться, кто именно этотъ „мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе, то-есть въ качествѣ ревизора, распекающій всѣхъ“. Въ черновыхъ замѣткахъ къ

„Мертвымъ Душамъ“ Гоголь пишетъ: „Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетенъ; прообразованіе бездѣльности (то-есть пошлости) жизни всего человѣчества въ массѣ... Какъ низвести всемірную картину бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованья бездѣлья міра“. Итакъ, опять-таки (по собственному признанію Гоголя, въ обоихъ величайшихъ произведеніяхъ его — въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“, картины русскаго провинціального города 20-хъ годовъ имѣютъ, кромѣ явнаго, нѣкоторый тайный смыслъ, вѣчный и всемірный, но „прообразующій“, или, какъ мы теперь сказали бы, *символическій*, ибо символъ и значить „прообразованіе“: среди „бездѣлья“, пустоты, пошлости міра человѣческаго, не человѣкъ, а самъ чортъ, „отецъ лжи“, въ образѣ Хлестакова или Чичикова, плететъ свою вѣчную, всемірную „сплетню“.

„Я совершенно убѣдился въ томъ, что сплетня плетется чортомъ, а не человѣкомъ,—пишетъ Гоголь въ частномъ письмѣ по поводу частнаго дѣла.— Человѣкъ отъ праздности и сглупа брякнетъ слово безъ смысла, котораго бы и не хотѣлъ сказать (не такъ-ли именно Бобчинскій и Добчинскій брякнули слово „ревизоръ“?). Это слово пойдетъ гулять; по поводу его другой отпуститъ въ праздности другое;

и мало-по-малу сплетется сама собою исторія, безъ вѣдома всѣхъ. Настоящаго автора ея безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь... Не обвиняйте никого. Помните, что все на свѣтѣ обманъ, все кажется намъ не тѣмъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ... Трудно, трудно жить намъ, забывающимъ всякую минуту, что будетъ наши дѣйствія *реализовать* Тотъ, Кого ничѣмъ не подкупишь" (Письмо къ N.F. изъ Москвы отъ 6 декабря 1849). Не данъ ли здѣсь полный, не только понятный всѣмъ, реальный, но и до сей поры никѣмъ, кажется, непонятый, мистическій замыселъ Ревизора?

Въ Хлестаковѣ, кромѣ реальнаго человѣческаго лица, есть „призракъ“: „это фантазмагорическое лицо,—говоритъ Гоголь,—которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкой Богъ знаетъ куда“. Герой „Шинели“, Акакій Акакіевичъ, точно такъ же, какъ Хлестаковъ, только не при жизни, а послѣ смерти своей, становится призракомъ—мертвецомъ, который у Калинкина моста пугаетъ прохожихъ и стаскиваетъ съ нихъ шинели. И герой „Записокъ Сумасшедшаго“ становится лицомъ фантастическимъ, призрачнымъ—„королемъ испанскимъ Фердинандомъ VIII“. У всѣхъ троихъ исходная точка одна и та же: это—мелкіе петербургскіе чиновники, обезличенныя клѣточки огром-

наго государственнаго тѣла, безконечно малая дробь безконечно великаго цѣлаго. Изъ этой-то исходной точки—почти совершеннаго поглощенія живой человѣческой личности мертвымъ безличнымъ цѣлымъ—устремляются они въ пустоту, въ пространство, и описываютъ три различныя, но одинаково чудовищныя параболы: одинъ—во лжи, другой—въ безуміи, третій—въ суевѣрной легендѣ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, личность отомщаетъ свое реальное отрицаніе; отказываясь отъ реального, мститъ призрачнымъ, фантастическимъ самоутвержденіемъ. Человѣкъ старается быть не тѣмъ, что есть, потому что не хочетъ, не можетъ, не долженъ быть ничѣмъ. И въ мертвомъ лицѣ Акакія Акакіевича, и въ сумасшедшемъ лицѣ Поприщина, и въ лживомъ лицѣ Хлестакова, сквозь ложь, безуміе и смерть, мелькаетъ нѣчто истинное, бессмертное, сверхразумное, что есть во всякой человѣческой личности и что кричитъ изъ нея къ людямъ, къ Богу: я—одинъ, другого подобнаго мнѣ никогда нигдѣ не было и не будетъ, я самъ для себя все,—„я, я, я!“—какъ въ изступленіи кричитъ Хлестаковъ.)

Въ качествѣ реальной величины въ государствѣ Хлестаковъ—ничтожество: „одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими“. Собственный лакей его, дуракъ и плутъ Осипъ

презираетъ барина: „добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой“. Онъ, однако, сынъ дворянина, старосвѣтскаго помѣщика изъ глубины Россіи. Но никакой связи со своимъ родомъ, народомъ, землею онъ не сохранилъ. Онъ весь до мозга костей—петербургскій безземельный „пролетарій“, безродный, искусственный человѣкъ—гомункуль, выскочившій изъ „петровской табели о рангахъ“, какъ изъ алхимической стеклянки Люди прошлаго, подобные отцу его, для него—варвары, почти и не люди: „они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значить „прикажете принять“. Къ нимъ, если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валить, медвѣдь, въ гостиную“. Отрицаніе, впрочемъ, обоюдное: „батюшка присылаетъ ему денежки“; но если бы узналъ онъ, какъ живетъ сынокъ въ Петербургѣ: „дѣломъ не занимается—вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прищепку, въ картишки играетъ“, то, по выраженію Осипа, „не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявъ рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почесывался“.

Какъ личность умственная и нравственная, Хлестаковъ отнюдь не полное ничтожество. „Хлестаковъ,—опредѣляетъ Гоголь,—есть человѣкъ ловкій, совершенный *comme il faut*, умный, даже пожалуй,